

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.17223/23062061/34/7

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА СТИХОТВОРНОЙ ФОРМЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Анна Валерьевна Шевчик¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, mikheeva_anna13@mail.ru*

Аннотация. Описан потенциал речевого воздействия текстов песен экстремистской направленности, связанный с их композицией, ритмической и строфической организацией, особенностями рифмы и рифмовки, лексическими повторами. Установлен эффект внушения, достигаемый при помощи элементов стихотворного строя и сопровождающий речевые действия адресанта по формированию у слушателя негативного отношения к предмету речи («образа врага»). В дополнение существующих методик лингвистической экспертизы предложены приёмы анализа текстов песен и других образцов стихотворной речи, распространяемых с противоправными целями.

Ключевые слова: текст, стихотворная речь, песня, экстремизм, речевое воздействие, внушение, лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Шевчик А.В. Функциональная нагрузка стихотворной формы текстов экстремистской направленности // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 79–97. doi: 10.17223/23062061/34/7

Original article

FUNCTIONAL LOAD OF THE POETIC FORM IN EXTREMIST TEXTS

Anna V. Shevchik¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
mikheeva_anna13@mail.ru*

Abstract. A number of Russian researchers are currently developing the methodology of applying forensic linguistics in examining extremist texts. In the process of linguistic examination, linguists are faced with changes in social and speech reality, and specifically with the emergence of new forms of expressing extremist meanings legally classified as verbal offences, which pose a threat to individual rights and freedoms, to society as a whole, and to the fundamentals of state structure. The Internet has contributed to the proliferation of extremist materials produced in

the form of songs. Such texts were included in the forensic linguistics analysis conducted by the author of this article during which it was revealed that there is a shortage of examination techniques to be implemented in analysing the practices of promoting the “enemy image” among the target audience. The aim of the article is to address this shortage. The article describes linguistic manipulation techniques involving the usage of versification in order to affect the recipient’s subconsciousness and highlight the importance of viewing the subject of speech negatively. It has been revealed that such pieces of text generally contain simple and clichéd verse patterns, i.e., poorly rhyming or non-rhyming items, the use of common metres and stanzas, and frequent literal lexical reiteration. The study has objectified the following potential effects of linguistic manipulation (persuasion) involving the use of versification components: (a) highlighting the most important vocabulary items which are rhymed and placed at the end of lines; (b) enhancing the expressiveness of an utterance by means of using the masculine rhyme, powerful poetic metres, and suprasystemic stress; (c) ensuring that the audience absorb the information on the subconscious level (i.e., via persuasion) rather than rationally; this is achieved through rhythmic organisation of speech and constant reiteration of the most semantically meaningful phrases. One of the primary effects of using versification in producing extremist texts is the specific styling and programming of the perception of speech by the audience in the form of songs, which enables to convey extremist materials by the conventions of this genre, i.e., incorporating music, performing songs during public events (e.g., public or home concerts), and disseminating them online. The results of the analysis of the identified linguistic manipulation techniques can be applied in forensic linguistics practices focusing on cases of extremism.

Keywords: text, poetic speech, song, extremism, linguistic persuasion and suggestion, linguistic examination

For citation: Shevchik, A.V. (2024) Functional load of the poetic form in extremist texts. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 34. pp. 79–97. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/34/7

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается высокий уровень национальной, религиозной, социальной нетерпимости, что выражается, в числе прочего, в обнародовании экстремистских текстов («вербальном экстремизме» [1]).

Речевая составляющая экстремистской деятельности проявляется в следующих вербальных правонарушениях: возбуждении расовой, национальной, религиозной, социальной вражды и ненависти; унижении человеческого достоинства по указанным признакам; пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признакам их отношения к религии, социальной, расовой, национальной или языковой принадлежности; в публичных призывах к экстремистской деятельности и др. (статьи 280 и 282 Уголовного кодекса РФ; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ и др.).

Смысловую направленность и потенциал рецепции данных речевых произведений в большинстве случаев невозможно оценить без участия специалистов в области лингвистики. Вследствие этого применение правового механизма по противодействию и профилактике экстремистской деятельности, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, включает производство лингвистических исследований информационных материалов (лингвистической экспертизы) [2].

Экстремистские идеи и смыслы постоянно облекаются в новые речевые формы, используются всё более изощрённые, завуалированные приёмы пропаганды, призыва, убеждения, внушения и других форм воздействия на аудиторию с целью провокации социальных, межнациональных, межконфессиональных конфликтов. Привлекаются новые каналы распространения материалов экстремистской направленности, в основном в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, обеспечивающей охват максимально широкого круга адресатов в кратчайшие сроки.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами актуальными остаются такие задачи лингвоэкспертологии, как испытание существующих методов анализа экстремистских текстов на материале речевых произведений разных типов, оценка релевантности данных методов, дополнение методики лингвистической экспертизы приёмами анализа актуальных в настоящее время текстов, дальнейшая разработка метаязыка лингвоэкспертологии, в том числе в междисциплинарном поле.

Научные исследования в данном направлении ведутся во многих аспектах: онтологическом [2–7], методологическом [8–11], прикладном [12–13], междисциплинарном [14–17], метанаучном [18–20]; публикуются и обсуждаются опыты проведения судебной лингвистической экспертизы текста по делам об экстремизме [21–23].

Единой методики исследования спорных текстов по делам об экстремизме до настоящего времени не существует. С начала 2010-х гг. данная ситуация осознаётся исследователями и экспертами-практиками как проблемная [8. С. 56], но до сих пор в работах исследователей, представляющих различные государственные силовые ведомства, а также объединения негосударственных лингвистов-экспертов, получают развитие только разрозненные лингвоэкспертные методики; почти все они распространяются и применяются исключительно в рамках данных экспертных сообществ.

В собственной практике производства судебных лингвистических экспертиз автор статьи применяет теоретические положения открыто опубликованных изданий по проблемам методики исследования экстремистских материалов: монографии Е.И. Галяшиной 2006 г. [24],

О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой, Т.Н. Секераж 2011 г. [25], М.Л. Подкатилиной 2013 г. [26], учебно-методическое пособие Л.З. Подберезкиной, Е.Ю. Федоренко 2012 г. [27]. В качестве основного источника избран монография «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» [25].

В данной работе очерчен круг юридически значимых характеристик текста, позволяющих дать его правовую оценку в качестве продукта деятельности субъекта и уголовно-правовую оценку действий автора этого текста по его созданию и обнародованию, а именно: 1) целенаправленность деятельности автора по созданию текста, ее произвольность и осмысленность; 2) публичность речевой деятельности; 3) наличие в тексте призывов; 4) наличие в тексте пропаганды (национального, религиозного, языкового, расового превосходства, исключительности или неполноценности); 5) наличие в тексте оправдания (терроризма) или обоснования (экстремистской деятельности); 6) направленность речевых действий (текста) на возбуждение розни, вражды, ненависти, унижение достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пола, расы, национальности, отношения к религии и др.) [25. С. 17–18].

Основные аспекты анализа речевого произведения в указанной методике связаны с такими составляющими коммуникативного акта, как адресант сообщения, коммуникативная цель и речевые действия по её достижению. Данные методические положения соотносятся с правовой квалификацией преступлений по ст. 280, 282 УК РФ как преступлений с формальным составом, что относится и к речевым деликтам в целом. Подобные преступления считаются оконченными с момента совершения деяния, вне зависимости от его последствий, в связи с чем исследование реакции адресата речевого сообщения в рамках лингвистической экспертизы по делам об экстремизме не проводится.

Авторы методики предлагают значение любого экстремистского высказывания представить «как состоящее из трех компонентов: 1) предметно-тематического (о ком / чём и что именно говорится); 2) оценочно-экспрессивного (как оценивается то, о чём говорится, какие эмоции вызывает); 3) целевого (зачем это говорится)» [25. С. 34].

Основная задача лингвистической экспертизы экстремистских материалов, с точки зрения авторов методики, заключается в установлении наличия / отсутствия в тексте лингвистических признаков выражения определенного типа значения. По мнению авторов, подобная экспертиза должна быть комиссионной: психологические признаки устанавливаются

специалистами в данной области. Таким образом, в рамках данной методики лингвист-эксперт работает «с системой семантических признаков, отражающих специфику значения текста и определяющихся природой текста и его отдельных составляющих – высказываний» [25. С. 22–33].

В настоящей статье описывается опыт применения указанной методики в ходе анализа текстов песен экстремистской направленности в процессе производства лингвистической экспертизы и решается ряд задач: определяется дефицит приёмов анализа стихотворной речи в юрислингвистическом аспекте, предлагаются способы его восполнения.

Объектом исследования стали тексты песен «Бл..., мусора! (Mylene Farmer cover)» группы «Четверо», «Молотов коктейль» группы «НИЧЕГО ХОРОШЕГО feat ПОРНОФИЛЬМЫ», «Мент-президент (Володе Мутину посв.) (СОЦИАЛЬНО ПРОТИВные – 2013)» группы «ДУХИ ЦЕХА»; «Мент» группы «Плохие дядьки», размещённых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в открытом доступе, на электронной странице пользователя социальной сети «ВКонтакте».

Перед экспертом были поставлены вопросы:

1. Содержится ли в представленных текстах положительная оценка и/или оправдание совершения враждебных действий в отношении человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе? 2. Имеются ли в представленных текстах высказывания, содержащие негативную оценку человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?

Аудиозаписи анализируемых песен адресованы широкому кругу пользователей социальной сети «ВКонтакте»: адресат массовый.

Основным предметом речи во всех представленных для анализа текстах является группа лиц, объединённых по признаку «работники системы правоохранительных органов», репрезентируемая в текстах следующими лексическими единицами: «полицейские», «милиционеры», «мусора», «менты», а также отдельные её представители, именованные в текстах как «мент», «полицейский», «товарищ лейтенант». Обращение к статьям словарей современного русского языка позволяет выявить данный признак [28. С. 425, 449; 29. С. 542; 30].

Дискуссия о содержании понятия «социальная группа» и возможности оперирования им в ходе лингвистического исследования останется за пределами данной статьи. В рамках производства настоящей лингвисти-

ческой экспертизы вывод о том, что сотрудники полиции являются единой социальной группой, сделан автором на основании предоставленного эксперту заключения специалиста в области социологии. В статье вывод о том, что основным *предметом речи* в анализируемых текстах является социальная группа «сотрудники полиции» и её отдельные представители, предлагается принять в качестве допущения.

Избранная методика позволила выявить следующие оценочные смыслы, служащие для возбуждения ненависти либо вражды: а) положительная оценка совершения враждебных действий в отношении социальной группы; б) негативная оценка социальной группы, а также её отдельных представителей.

Текст песни «Молотов коктейль» содержит описание воображаемых массовых беспорядков (*«тысячи людей собрались вместе выразить протест», «на проспекте Ленина огромные горят костры, полыхает мэрия, банки все разнесены», «улицы в дыму»*), в процессе которых происходит столкновение двух групп лиц – «толпы», к которой себя относит и герой текста, обозначенный как «я», от имени которого передаётся информация, и социальной группы «сотрудники полиции», репрезентированной в тексте как «милиционеры», «мусора» (*«Мусора идут рядами прямо на толпу, всюду крики, всюду флаги, улицы в дыму»*). Положительно оцениваются враждебные действия в отношении социальной группы «сотрудники полиции»: *«Я поджигаю молотов коктейль и запускаю его в милиционеров»*, положительная оценка эксплицирована во фрагменте: *«Мне вчера приснился ночью долгожданный сон, сон о том, о чём мечтаем...»*.

Лексема «сон» обобщает все описываемые далее в песне массовые беспорядки и враждебные действия как мысленный образ желаемого, приятного положения дел, которое с нетерпением ожидается («долгожданный»), к которому стремится герой текста, обозначенный как «я», от имени которого передаётся информация. Это подтверждается словарными дефинициями [29. С. 271, 539].

В текстах аудиозаписей «Бл..., мусора! (Mylene Farmer cover)», «Мент-президент (Володе Мутину посв.) (СОЦИАЛЬНО ПРОТИВные – 2013)», «Мент» выражена негативная оценка социальной группы «сотрудники полиции» посредством экспрессивно-стилистических свойств лексических единиц, а также при помощи речевых действий по формированию у адресата эмоционального негативного отношения («образа врага») [25. С. 100].

Лингвостилистический анализ показал, что негативная оценка свойств социальной группы «сотрудники полиции» выражена в высказываниях *«Каждая мразь, неделённая властью, мне пытается втюхать: давай*

подчиняйся»; «В мусорском государстве – легавая власть, а моя масть по жизни х.. на эту власть класть»; «Для меня мент не кент и не авторитет, я е...ал ту систему, где он-президент»; «Ты, сука, – мент!» при помощи лексем, репрезентирующих данную группу в тексте, а также выражающих отношение к ней и сопровождаемых в толковых словарях русского языка пометами «бранно» – бранное, «грубо» – грубое, «неценз.» – нецензурное, «обсц.» – обценное, «табу!» – табуированное, «груб.-прост.» – грубо-просторечное [28. С. 204, 825; 29. С. 489, 561, 1288; 31. С. 49; 32. С. 221, 261].

Вкупе с выражением негативной оценки важным лингвистическим средством возбуждения ненависти либо вражды в отношении социальной группы «сотрудники полиции» и её отдельных представителей становятся специальные речевые действия по формированию у адресата эмоционального негативного отношения (или «образа врага»), к которым относятся: «(а) уничтожение “личности” противника; (б) уничтожение позиции противника; (в) уничтожение контакта с противником» [25. С. 100].

В тексте песен «Бл..., мусора! (Mylene Farmer cover)», «Мент-президент (Володе Мугину посв.)» с применением приёмов анализа, предложенных в избранной методике [25. С. 98–102], выявлено последовательное, развернутое убеждение аудитории в необходимости негативного отношения к предмету речи, а именно: а) описание исходящих от социальной группы «сотрудники полиции» угроз («от полицейских жди лишь ран!», «Он такой же человек, но в мыслях его ад – он выбрал путь стрелять в сторону баррикад, насиловать людей, воровать и убивать»); б) демонстрация разрыва контактов с социальной группой «сотрудники полиции» и убеждение в его необходимости для адресата («товарищ лейтенант, мы с вами не друзья!», «мусора нам всем ни разу не братва», «не подавай, не подавай руки ментам», «не сотрудничай со следствием!», «меньше информации, ничего не знаю, мимо проходила, ничего не понимаю!», «а моя масть по-жизни х.. на эту власть класть», «для меня мент ... не авторитет, я е...ал ту систему, где он – президент!»); с этой же целью в текст введена брань в адрес предмета речи в высказываниях «Бл..., мусора!», «бл..., товарищ лейтенант, мы с вами не друзья!» [28. С. 46; 32. С. 35], а также в вышеприведённых.

В тексте песни «Мент» формирование «образа врага» происходит с использованием стратегии «компрометации» [25. С. 100]: описываются совершённые представителем социальной группы «сотрудники полиции» негативные действия («я крышевал притон и рынок, ездил пьяным за рулём»).

Таким образом, избранная методика анализа экстремистских материалов позволила выявить, что предметом речи в анализируемых текстах является социальная группа «сотрудники полиции»; основная речевая цель – «убеждение в необходимости негативного эмоционального отношения к группе лиц» [25. С. 98] воплощается в высказываниях двух типов: а) *демонстрирующих* положительную оценку совершения враждебных действий в отношении предмета речи; *демонстрирующих* негативное отношение к предмету речи, б) *убеждающих* аудиторию в необходимости негативного эмоционального отношения к предмету речи, которое достигается при помощи следующих речевых приёмов: описания угроз, исходящих от предмета речи, демонстрации разрыва контактов с предметом речи, брани в адрес предмета речи, использования стратегия «компроматации».

Ход анализа и полученные результаты явились достаточным основанием для построения заключения судебной лингвистической экспертизы и обоснованных ответов на поставленные перед экспертом вопросы. В то же время данное исследование, а также знакомство с заключениями, составленными коллегами-экспертами по подобным делам, проявили поле смыслов, не попадающих в фокус внимания лингвистов-экспертов и связанных со стихотворной формой данных речевых произведений.

Как представляется, потенциал речевого воздействия на аудиторию для формирования «образа врага», «замены одного мнения на другое» [25. С. 84] не исчерпывается приёмами речевого убеждения. Он может заключаться также в особенностях стихотворной речи, основные признаки которой (ритмическая и строфическая организация, наличие рифмы, многократных лексических повторов, особенности композиции и др.) являются эффективными средствами речевого воздействия [33. С. 64; 34].

За рамками статьи остаются дискуссионные вопросы о художественном тексте как объекте лингвистической экспертизы по делам об экстремизме [35–37], о категории художественности, возможности и необходимости определения речевых произведений экстремистской направленности как художественных текстов и их юридикации. Предлагается сфокусировать внимание на формальных признаках строения стихотворной речи.

Выдвигаемая *гипотеза*: негативное эмоциональное отношение к предмету речи может целенаправленно формироваться у аудитории не только при помощи высказываний «убеждающего типа» [25. С. 101], содержащих приёмы речевого убеждения и основанных на информативной функции языка, но и при помощи высказываний «внушающего» типа, опирающихся на суггестивную функцию языка. Данные высказывания

содержат приёмы речевого воздействия (внушения), связанные с особенностями строения стихотворной речи.

Гипотеза находит теоретическое обоснование в современных исследованиях по вопросам манипуляции сознанием, речевого воздействия, искусства как суггестии. В них приёмы речевого воздействия, связанные с ритмической организацией речи и наличием рифмовки, квалифицируются как приёмы внушения.

Согласно И.А. Стернину, существуют следующие основные способы речевого воздействия на другого человека: доказывание, убеждение, уговаривание, клянченье, внушение, приказ, просьба, принуждение [38. С. 59–61]. «Убеждать – это вселять в собеседника уверенность, что истина доказана, что тезис установлен. В убеждении используется и логика, и обязательно – эмоция, эмоциональное давление... Убеждая, мы стараемся фактически навязать свою точку зрения собеседнику» [38. С. 60]. «Внушать – это побуждать собеседника просто поверить вам, принять на веру то, что вы ему говорите, – без обдумывания, без критического осмысления. Внушение основано на сильном психологическом, эмоциональном давлении, часто – на авторитете собеседника» [38. С. 61].

В своей монографии И.А. Стернин разграничивает приёмы речевого воздействия (убеждения), т.е. влияние на разум человека, и приёмы манипуляции (внушения), побуждающие человека изменить поведение неосознанно или вопреки его собственному намерению. При этом автор указывает, что и средства речевого воздействия, и средства манипуляции должны изучаться наукой о речевом воздействии [38. С. 66–67]. Исходя из этого, приёмы внушения будут пониматься далее как разновидность приёмов речевого воздействия.

В книге О.С. Иссерс «Речевое воздействие» [39] в разделе «Фонетические ресурсы речевого воздействия» уделено внимание роли созвучий, рифмы и ритма. Автор отмечает, что в рекламных текстах приём рифмовки успешно используется для активизации памяти адресата, в газетных заголовках он выполняет аттрактивную функцию и повышает экспрессивность высказывания [39. С. 157–159]. Ритм, основанный на чередовании сильных и слабых слогов, также часто применяется в создании рекламы для радио и телевидения: стихи-кричалки произносятся с энергией и напором и, несмотря на свою незатейливость, «выполняют роль шамана, который бьет в барабан» [40. С. 104].

С.Г. Кара-Мурза в монографии «Манипуляция сознанием» [41] раскрывает механизмы влияния на воображение адресата с использованием разных каналов восприятия, помогающих «пустить процесс воображения

по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия» и изменил свои взгляды, мнения и поведение. Автор утверждает, что «суггесторным значением», наряду с логосферой (мир слов), эйдосферой (мир графических и живописных форм), обладает также акусфера – мир звуковых форм культуры. «В программировании поведения звуки, воздействующие в основном не на разум, а на чувства, всегда занимали важное место» [41. С. 67].

Автор обращает внимание на роль тембра голоса, ритма, темпа чтения на восприятие сообщения, акцентирует важную роль музыки в сочетании со словом, пластикой, зрительными образами в программировании поведения, приводя в качестве примеров боевые марши, эффекты, производимые песней «Вставай, страна огромная».

Ю.Б. Борев, рассуждая о внушающей функции искусства (искусстве как суггестии), также обращается за примерами к музыкальным и поэтическим произведениям Великой Отечественной войны: «Внушающая роль искусства отчетливо проявляется в маршах, призванных вселять бодрость в шагающие колонны бойцов. В “час мужества” (Ахматова) в жизни народа внушающая функция искусства обретает особенно важную роль» [42. С. 162].

В стихотворении К. Симонова «Жди меня» в двенадцати строках восемь раз повторяется как заклинание слово «жди». Ю.Б. Борев называет этот лексический повтор «внушающей магией», приводит высказанное в 1945 г. И. Эренбургом мнение о том, что сущность поэзии – в заклинании. Автор комментирует: «Это, конечно, сужение возможностей поэзии. Однако это характерное заблуждение, продиктованное точным ощущением тенденции развития военной поэзии, которая стремилась к немедленному действительному вмешательству в духовную жизнь и потому опиралась на выработанные вековым художественным опытом народа фольклорные формы, такие как наказания, обеты, видения, сны, разговоры с мертвыми, обращения к рекам, городам... Суггестивная функция в напряженные периоды истории играет большую, иногда даже ведущую роль в общей системе функций искусства» [42. С. 162].

Таким образом, характерные особенности стихотворной речи – наличие рифмы, ритма, лексических повторов, а также устойчивые фольклорные формы (наказ, обет, видение, сон и др.) обладают «суггесторным значением» (С.Г. Кара-Мурза), выполняют «магическую» функцию (О.С. Иссерс, Ю.Б. Борев), могут использоваться с целью программирования поведения аудитории, изменения мнения, взглядов, действий человека, т.е. в качестве приёмов речевого воздействия, внушения (И.А. Стернин). Обобщим содержащиеся в названных источниках отдельные указания на воздействующий потенциал элементов стихотворного строя:

– рифма: активизирует функции памяти, способствует запоминанию сообщения; выполняет аттрактивную функцию; усиливает экспрессивность высказывания; думается, необходимо говорить о различной воздействующей силе рифм разного типа: мужской, женской, дактилической, особенностях рифмовки;

– ритм: ритмическая организация речи воздействует на чувства адресата; определённые ритмические рисунки способны направлять поведение адресата в необходимое русло, выполнять «магическую» функцию (сродни бубну шамана); перспективным представляется исследование суггесторного потенциала различных стихотворных метров с опорой на русскую песенную и поэтическую традицию (см.: Гаспаров М.Л. Семантический ореол метра [43]), а также наиболее частотных метров, используемых в песнях экстремистской направленности;

– лексические повторы: наследуются от традиционных фольклорных форм (в частности, заклинания), выполняют внушающую функцию.

Анализ особенностей строения стихотворной речи и потенциальных эффектов речевого воздействия приводится на примере текста песни «Молотов коктейль».

**Особенности стихотворной формы песни «Молотов коктейль»
в аспекте речевого воздействия**

Особенности строения стихотворной речи	Потенциальные эффекты речевого воздействия
<p>1. Наличие рифмы: рифмуются 2-я и 4-я строки в каждом катрене куплета «сон – поём», «мест – протест», «толпу – дыму», «костры – разнесены». Рифма мужская, бедная.</p> <p>2. Холостая рифмовка: в большинстве куплетных катренов 1-я и 3-я строки не рифмуются, но всегда имеют женское окончание. В припеве 1-я и 3-я строки представляют собой дословный лексический повтор.</p> <p>3. Ритмическая организация: четырёх-стопный хорей в куплетах, пятистопный ямб в припеве.</p> <p>4. Строфическая организация: катрен с чередованием женских и мужских окончаний – наиболее типичная строфа в русской и европейской поэзии.</p>	<p>1–2. Рифма и рифмовка выполняют аттрактивную функцию: вынесены в конец строк и зарифмованы ключевые слова, несущие основной смысл: «сон», «протест», «коктейль», «милиционеров», «системы», «костры», «разнесены». Экспрессивность высказывания в куплетах усиливается мужской рифмой – ударением на последнем слоге в строке.</p> <p>3–4. Ритмическая и строфическая организация данного текста свидетельствует о типичности, банальности его построения, отсутствии таланта у автора. При этом использованные двусложные метры – хорей и ямб – являются весьма энергичными; они побуждают к активным действиям, способны как направить в единое русло чувства толпы, так и воздействовать на подсознание индивидуального адресата.</p>

Особенности строения стихотворной речи	Потенциальные эффекты речевого воздействия
5. Лексические повторы: повторяются строки «Я поджигаю молотов коктейль» (6 раз), полный припев (3 раза), содержащие основной смысл – враждебные действия против предмета речи	5. Лексические повторы выполняют суггестивную функцию: внушается положительная оценка и необходимость совершения названных враждебных действий

Предварительный анализ предметно-тематического, оценочного и целевого компонентов текста аудиозаписи «Молотов коктейль» показал, что он содержит положительную оценку совершения враждебных действий в отношении социальной группы «сотрудники полиции». Какую роль стихотворная форма данного речевого произведения может играть в убеждении аудитории в правильности и необходимости совершения враждебных действий в отношении предмета речи?¹

В песне «Молотов коктейль» убеждение аудитории в правильности совершения враждебных действий в отношении предмета речи достигается при помощи приёмов внушения, связанных с ритмической и строфической организацией речи, рифмой и рифмовкой, названием и композицией, наличием лексических повторов и опирающихся на суггестивную функцию языка.

Анализ всех четырёх текстов экстремистской направленности, вовлечённых в производство лингвоэкспертного исследования автором, позволяет представить потенциальные эффекты речевого воздействия (внушения), связанного с особенностями стихотворной формы речи:

1. Привлечение внимания к наиболее значимой лексике, вынесенной в конец строк и зарифмованной.

2. Усиление экспрессивности высказывания за счёт мужской рифмы, энергичных стихотворных размеров, наличия сверхсистемных ударений (спондеев).

3. Собственно внушение, т.е. принятие аудиторией информации не рационально, а на уровне подсознания, достигаемое с помощью ритмической организации речи, многократных лексических повторов фраз, несущих наибольшую смысловую нагрузку.

4. Использование типичных характеристик песенного жанра с целью программирования восприятия аудиторией речевого произведения как песни; этот эффект позволяет транслировать информацию по законам

¹ Полный текст не приводится в соответствии со ст. 20.29 КоАП РФ. Производство и распространение экстремистских материалов.

данного жанра – с использованием музыкального сопровождения, на определённых массовых мероприятиях (концерты, квартирники и т.д.).

5. Создание самостоятельного, не зависящего от автора речевого материала (аудиозаписей), удобного для трансляции и распространения в сети Интернет. Конечный эффект – донесение текста сообщения до массового адресата.

Таким образом, методика производства судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме может быть дополнена приёмами анализа стихотворной речи в аспекте речевого воздействия.

Приёмы внушения, направленные на подсознание адресата и навязывающие необходимость негативного отношения к предмету речи (формирующие «образ врага»), основаны на таких элементах стихотворного строения текста, как рифма и рифмовка, ритмическая и строфическая организация, композиция, лексические повторы. Для подобных текстов в целом характерны простота, банальность строения стихотворной формы. Используется бедная рифма, рифмовка зачастую не выдерживается, привлекаются типичные, самые распространённые стихотворные размеры и строфы, в качестве приёма внушения активно используется дословный лексический повтор.

Один из основных эффектов использования стихотворной формы при создании речевых произведений, несущих экстремистские значения, – это своеобразная стилизация жанра песни, позволяющая транслировать и распространять тексты по его законам.

Перспективы данного исследования связаны с изучением отдельных элементов строя стихотворной речи с целью определения их семантического и суггесторного потенциала в информационных материалах экстремистской направленности. В частности, необходимо выявить набор стихотворных метров и размеров, имеющих определённый «семантический ореол» [43] (военный марш, строевая песня и т.д.) и наиболее часто используемых при построении стихотворных текстов с целью возбуждения ненависти либо вражды, а также с иными целями, противоречащими закону. Инвентаризация смыслов и эффектов внушения, привносимых в текст определёнными элементами стихотворной речи, может найти практическое применение в ходе производства лингвистической экспертизы.

Список источников

1. Громова Н.С. Вербальный экстремизм как форма речевого манипулирования адресатом // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. матер. конф., 2016 г. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/gromova.html> (дата обращения: 30.08.2022).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 28.08.2022).

3. Баранов А.А., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 2. С. 53–65.

4. Бринёв К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 7–13.

5. Бринёв К.И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 (50). С. 117–123.

6. Кусов В.Г. Юридизация понятий «экстремизм», «социальная ненависть» и методологические проблемы их диагностики в судебной лингвистической экспертизе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 140–144.

7. Линкер Г.Р., Никулина Ю.А. Лингвистическая экспертиза материалов экстремистского характера: основные понятия // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 17. С. 73–77.

8. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме // Психология и право. 2011. № 2. С. 55–65.

9. Никишин В.Д. Судебная экспертиза как форма использования специальных лингвистических знаний для выявления признаков словесного религиозного экстремизма // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 251–256.

10. Оленников С.М. Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. № 11 (17). С. 199–203.

11. Сафонова Ю.А. Верификация словарной информации при производстве лингвистических экспертиз (на материале исследований, связанных с противодействием экстремизму, терроризму) // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения : материалы докладов и сообщений междунар. науч. конф. / отв. ред. М.Л. Каленчук. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 125–127.

12. Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 7. С. 25–41.

13. Подкатилина М.Л. О назначении судебной экспертизы по делам об экстремизме // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 32–34.

14. Мишланов В.А. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (19). С. 62–69.

15. Ахунзянова Ф.Т. Интегративность специальных знаний при производстве судебной лингвистической экспертизы по делам о религиозном экстремизме // Научные труды. Российская академия юридических наук. Т. 2, вып. 17. М. : Юрист, 2017. С. 601–604.

16. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. Т. 2. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2014. С. 204–211.

17. Будякова Т.П., Ларин А.А. О разделении профессиональных компетенций судебных лингвистов и судебных психологов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 390–392.

18. Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 146–154.

19. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 98–107.

20. Смирнова С.А., Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 4. С. 6–11.

21. Ежова Е.Н. К вопросу о проявлениях экстремизма в медиадискурсе о Северном Кавказе: опыт лингвистических экспертиз конфликтогенных текстов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 2. С. 209–219.

22. Коростелёв Д.В., Мальцева Д.С. Проведение лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник современных исследований. 2018. № 12.2 (27). С. 52–55.

23. Ворошилова М.Б. Чёрная чума: номинации врага в экстремистском тексте // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 67–72.

24. Галяшина Е.И. Лингвистика vs. экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М. : Юридический мир, 2006. 96 с.

25. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : ЭКОМ-Паблишер, 2011. 326 с.

26. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов / под ред. Е.И. Галяшиной. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.

27. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности : учеб.-метод. пособие / сост. Л.З. Подберезкина, Е.Ю. Федоренко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. URL: http://ipps.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu_kras.ru/files/publications/sudeb_psih_ekspert_psih-lingvistich_ekspertiza_material_ekstrem_napravlennosti.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

28. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16 000 слов / Д.И. Квеселевич. М. : Астрель: АСТ, 2005. 1021 с.

29. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

30. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М. : Рус. яз., 2000. 856 с.

31. Василий Буй. Русская заветная идиоматика. Весёлый словарь народных выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : Альта-Принт, 2005. 368 с.

32. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 384 с.

33. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин и др. М. : ИД Гребенникова, 2000. 268 с.

34. Оганесян Н.Т. Механизмы воздействия поэзии на смысловую и эмоциональную сферу личности // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 1. С. 34–52.
35. Иваненко Г.С. Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 6. С. 200–203.
36. Плотникова А.М. Лингвистическая экспертиза художественного текста по делам о противодействии экстремизму // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 18–21.
37. Матвеева О.Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 370–377.
38. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Полиграф, 2001. 252 с.
39. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М. : Флинта, 2009. 223 с.
40. Букша К. 10 способов написать рекламный стишок // Рекламные идеи. 2007. № 5. С. 100–104.
41. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2007. 862 с.
42. Боров Ю.Б. Эстетика : учебник. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
43. Гаспаров М.Л. Семантический ореол метра. К семантике русского трёхстопного ямба // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 282–308.

References

1. Gromova, N.S. (2016) Verbal'nyy ekstremizm kak forma rechevogo manipulirovaniya adresatom [Verbal extremism as a form of verbal manipulation of the addressee]. In: Melikyan, V.Yu. (ed.) *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya* [Language and Law: Current Problems of Interaction]. Rostov on Don: Donizdat. [Online] Available from: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/gromova.html> (Accessed: 10th August 2019).
2. Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 11 (red. ot 03.11.2016) "O sudebnoy praktike po ugovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti"* [Resolution No. 11 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 (as amended on November 3, 2016) "On judicial practice in criminal cases involving extremist crimes"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (Accessed: 8th August 2019).
3. Baranov, A.A. & Parshin, P.B. (2017) *Kategoriya propagandy v lingvisticheskoy ekspertize teksta* [The category of propaganda in the linguistic examination of text]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 12(2). pp. 53–65.
4. Brinev, K.I. (2013) *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam o religioznom ekstremizme* [Forensic linguistic examination in cases of religious extremism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 376. pp. 7–13.
5. Brinev, K.I. (2012) *Metodologicheskie problemy lingvisticheskoy ekspertizy: opredelenie sushchnosti ekstremizma / opredelenie ponyatiya "sotsial'naya gruppa"* [Methodological problems of linguistic expertise: Defining the essence of extremism / defining the concept of "social group"]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(50). pp. 117–123.
6. Kusov, V.G. (2011) *Yuridizatsiya ponyatiy ekstremizm, sotsial'naya nenavist' i metodologicheskie problemy ikh diagnostiki v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize*

[Legalization of the concepts of extremism, social hatred and methodological problems of their diagnosis in forensic linguistic examination]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 4. pp. 140–144.

7. Linker, G.R. & Nikulina, Yu.A. (2015) Lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskogo kharaktera: osnovnye ponyatiya [Linguistic examination of extremist materials: Basic concepts]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. 17. pp. 73–77.

8. Sekerazh, T.N. (2011) Metodologicheskie problemy issledovaniya spornykh tekstov po delam ob ekstremizme [Methodological problems in the study of controversial texts on cases of extremism]. *Psikhologiya i pravo*. 2. pp. 55–65.

9. Nikishin, V.D. (2017) Sudebnaya ekspertiza kak forma ispol'zovaniya spetsial'nykh lingvisticheskikh znaniy dlya vyyavleniya priznakov slovesnogo religioznogo ekstremizma [Forensic examination as a form of using special linguistic knowledge to identify signs of verbal religious extremism]. *Voprosy ekspertnoy praktiki*. S1. pp. 251–256

10. Olennikov, S.M. (2016) Kommunikativno-ritoricheskiy analiz kak metod lingvisticheskoy ekspertizy po delam o protivodeystvii ekstremizmu [The communicative-rhetorical analysis as a method of linguistic examination in cases of countering extremism]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 11(17). pp. 199–203.

11. Safonova, Yu.A. (2016) Verifikatsiya slovarnoy informatsii pri proizvodstve lingvisticheskikh ekspertiz (na materiale issledovaniy, svyazannykh s protivodeystviem ekstremizmu, terrorizmu) [Verification of dictionary information in the course of linguistic examinations (based on research related to countering extremism and terrorism)]. In: Kalenchuk, M.L. (ed.) *Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya* [Russian lexicography of the 21st century: Problems and ways to solve them]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 125–127.

12. Galyashina, E.I. (2018) Ekspertiza ekstremistskikh materialov: problemy metodicheskogo i informatsionnogo obespecheniya [The examination of extremist materials: Problems of methodological and information support]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina*. 7. pp. 25–41.

13. Podkatilina, M.L. (2011) O naznachenii sudebnoy ekspertizy po delam ob ekstremizme [On the appointment of a forensic examination in cases of extremism]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 12. pp. 32–34.

14. Mishlanov, V.A. (2012) Zakonodatel'stvo RF ob ekstremizme i zadachi lingvisticheskoy ekspertizy tekstov [Legislation of the Russian Federation on extremism and the tasks of linguistic examination of texts]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 3(19). pp. 62–69.

15. Akhunzyanova, F.T. (2017) Integrativnost' spetsial'nykh znaniy pri proizvodstve sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam o religioznom ekstremizme [Integrativeness of special knowledge in the production of forensic linguistic examination in cases of religious extremism]. In: *Nauchnye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Scientific works. Russian Academy of Jurisprudence]. Moscow: [s.n.]. pp. 601–604.

16. Kara-Murza, E.S. (2014) Lingvisticheskaya ekspertiza kak instrument yazykovoy politiki [Linguistic expertise as a tool of language policy]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 2. pp. 204–2011.

17. Budyakova, T.P. & Larin, A.A. (2019) O razdelenii professional'nykh kompetentsiy sudebnykh lingvistov i sudebnykh psikhologov [On the division of professional competencies of forensic linguists and forensic psychologists]. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2(129). pp. 390–392.

18. Kroz, M.V. & Ratinova, N.A. (2016) Istoriya i sovremennoe sostoyanie ekspertnykh issledovaniy ekstremistskikh materialov [The history and current state of expert research of extremist materials]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 3(43). pp. 146–154.

19. Sekerazh, T.N. & Kuznetsov, V.O. (2016) Kompleksnaya sudebnaya psikhologolingvisticheskaya ekspertiza: formy, vidy, perspektivy razvitiya [Comprehensive forensic psychological and linguistic examination: Forms, types, development prospects]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 4(44). pp. 98–107.

20. Smirnova, S.A., Sekerazh, T.N. & Kuznetsov, V.O. (2017) Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Minyusta Rossii: aktual'nye napravleniya lingvisticheskoy i psikhologicheskoy ekspertizy [Interdisciplinary research in forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia: current directions of linguistic and psychological examination]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 12(4). pp. 6–11.

21. Ezhova, E.N. (2018) K voprosu o proyavleniyakh ekstremizma v mediadiskurse o Severnom Kavkaze: opyt lingvisticheskikh ekspertiz konfliktogennykh tekstov [On the issue of manifestations of extremism in media discourse about the North Caucasus: Linguistic examinations of conflict-prone texts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 15(2). pp. 209–219.

22. Korostelev, D.V. & Maltseva, D.S. (2018) Provedenie lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob ekstremizme [Conducting linguistic examination in cases of extremism]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 12.2(27). pp. 52–55.

23. Voroshilova, M.B. (2012) Chernaya chuma: nominatsii vraga v ekstremistskom tekste [Black plague: nominations of the enemy in an extremist text]. *Yurilingvistika*. 1(12). pp. 67–72.

24. Galyashina, E.I. (2006) *Lingvistika vs. ekstremizma: V pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam* [Linguistics vs. extremism: To help judges, investigators, experts]. Moscow: Yuridicheskii mir.

25. Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A. & Sekerazh, T.N. (2011) *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu* [Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic examination of texts in cases related to countering extremism]. Moscow: [s.n.].

26. Podkatilina, M.L. (2013) *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov* [Forensic linguistic examination of extremist materials]. Moscow: Yurlitinform.

27. Podberezkina, L.Z. & Fedorenko, E.Yu. (eds) (2012) *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza. Psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskoy napravlenosti* [Forensic psychological examination. Psychological and linguistic examination of extremist materials]. [Online] Available from: http://ipps.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-kras.ru/files/publications/sudeb_psih_eksper_psih-lingvistich_eksptertiza_material_ekstrem_napravlenosti.pdf (Accessed: 10th August 2019).

28. Kveseleovich, D.I. (ed.) (2005) *Tolkovyy slovar' nenormativnoy leksiki russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Profanity in the Russian Language]. Moscow: Astrel'.

29. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.

30. Krysin, L.P. (2000) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

31. Buy, V. (2005) *Russkaya zavetnaya idiomatika. Veselyy slovar' narodnykh vyrazheniy* [Russian Prohibited Idioms. A Cheerful Dictionary of Folk Expressions]. 2nd ed. Moscow: Al'ta-Print.

32. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Russkoe skvernoslovie. Kratkiy, no vyrazitel'nyy slovar'* [Russian Foul Language. A Short but Expressive Dictionary]. Moscow: OLMA Media Grupp.

33. Parshin, P.B. (2000) *Rechevoe vozdeystvie: osnovnye formy i raznovidnosti* [Linguistic manipulation: Main forms and varieties]. In: Pirogova, Yu.K., Baranov, A.N., Parshin, P.B. et al. *Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika* [Advertising Text: Semiotics and Linguistics]. Moscow: ID Grebennikova.

34. Oganesyanyan, N.T. (2007) *Mekhanizmy vozdeystviya poezii na smyslovuyu i emotsional'nyuyu sferu lichnosti* [Mechanisms of the influence of poetry on the semantic and emotional sphere of personality]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. 1. pp. 34–52.

35. Ivanenko, G.S. (2014) *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: spetsifika analiza khudozhestvennogo teksta v aspekte zakonodatel'stva ob ekstremizme* [Forensic linguistic examination: The specificity of the analysis of literary text in the aspect of legislation on extremism]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 20(6). pp. 200–203.

36. Plotnikova, A.M. (2014) *Lingvisticheskaya ekspertiza khudozhestvennogo teksta po delam o protivodeystvii ekstremizmu* [Linguistic examination of literary text in cases of countering extremism]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 4(36). pp. 18–21.

37. Matveeva, O.N. (2007) *Khudozhestvennyy tekst kak ob'ekt lingvisticheskoy ekspertizy* [Literary text as an object of linguistic examination]. *Yurilingvistika*. 8. pp. 370–377.

38. Sternin, I.A. (2001) *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to Linguistic Manipulation]. Voronezh: Poligraf.

39. Issers, O.S. (2009) *Rechevoe vozdeystvie* [Linguistic Manipulation]. Moscow: Flinta.

40. Buksha, K. (2007) *10 sposobov napisat' reklamnyy stishok* [Ten ways to write an advertising poem]. *Reklamnye idei*. 5. pp. 100–104.

41. Kara-Murza, S.G. (2007) *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulating Consciousness]. Moscow: Eksmo.

42. Borev, Yu.B. (2002) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

43. Gasparov, M.L. (1979) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow: Nauka. pp. 282–308.

Информация об авторе:

Шевчик А.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shevchik, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 18.12.2022; принята к публикации 12.03.2024*

*The article was submitted 06.09.2022;
approved after reviewing 18.12.2022; accepted for publication 12.03.2024*